

ПЛУТАРХ

*ок. 46, Херонея, Беотия – ок. 127, место смерти неизвестно
Древнегреческий писатель и философ,
общественный деятель
римской эпохи*

О МОНАРХИИ

Александр и Цезарь

Александр Македонский и Гай Юлий Цезарь — две исторические личности, являющиеся олицетворением монархического правления.

Кто-то может возразить, что Цезарь формально не был единоличным правителем. Но именно Цезарь заложил основы Рима как империи.

Неслучайно римские императоры начиная с I века до н. э. подчеркивали свою преемственность с Октавианом Августом, который стал наследником Цезаря, а через него — и с самим Цезарем, включая в состав своих полных имен в том числе и когномен (прозвище) диктатора «Цезарь».

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

I. Приступая в предлагаемом сочинении к биографиям царя Александра и Цезаря, победителя Помпея, я вследствие множества дел, о которых придется говорить мне, не намерен делать никаких предисловий, а хочу лишь просить читателей не вменять мне в вину, что я рассказываю не обо всех громких подвигах своих героев, не о каждом отдельно и подробно, но почти обо всех кратко.

Я пишу не историю, а биографию. Не всегда в самых блестящих подвигах видны дурные качества или пороки вообще, — напротив, часто какой-либо незначительный поступок, слово или шутка давали большее понятие о характере, нежели несколько сражений с десятками тысяч убитых, блестящие победы или осады городов. Художники стараются передать на картине черты лица и характерные особенности физиономии, обращая очень мало внимания на остальные части тела: так и мне пусть позволят проникнуть в тайники души и, основываясь на этом, набрасывать биографические портреты каждого, предоставив рассказ о громких подвигах и сражениях другим.

II. Без всякого сомнения, со стороны отца Александр был Гераклидом, как потомок Карана, по женской линии — Эакидом, как потомок Неоптолема. По рассказам, Филипп еще очень молодым был посвящен на Самотраке в мистерии вместе с Олимпиадой, которая была еще девочкой-сиротой. Он влюбился в нее и женился на ней с согласия ее брата Арибба...¹

III. Александр родился в начале месяца гекатомбеона², шестого числа, в самый день пожара храма Артемиды Эфес-

---

¹ Публикуется с сокращениями.

² *Гекатомбеон* — первый месяц аттического года, длившийся с 15 июля по 15 августа.

ской. На этом основании магнезец Гегевий сказал остроу, достаточно холодную, чтобы погасить тот пожар. Он заметил, что неудивительно, если храм сгорел,— Артемида, как повивальная бабка, была занята, принимая Александра...

Филипп, только что взявший Потидею, получил одновременно три известия: первое, что иллирийцы разбиты Парменионом в большом сражении; второе, что он одержал победу на скачках в Олимпии; третье — о рождении Александра. Он, конечно, был рад. Гадатели еще более увеличивали его радость: по их словам, мальчик, время рождения которого совпало с временем двух побед, будет непобедим.

IV. Что касается наружности Александра, ее всего лучше передают статуи работы Лисиппа, которому сам царь дал исключительное право делать его статуи. Художник сумел точно передать его наклоненную несколько влево шею и его ласковый взгляд — то, чему главным образом старались подражать многие из диадохов и друзей царя. Апелл, представляя его с молнией в руке, не мог сохранить цвет его кожи, сделал ее несколько темнее, смуглее — у царя, по рассказам, была белая кожа. Белизна ее, преимущественно на груди и лице, сменялась румянцем...

Еще мальчиком он показывал свою воздержанность. Горячий во всем и неукротимый, он мужественно боролся с телесными наслаждениями и предавался им крайне умеренно. При своем честолюбии он был гордым и благородным не по летам. Он не гнался за всякого рода славой без разбора в противоположность Филиппу, хваставшемуся, как софист, своим ораторским талантом и приказывавшему выбивать на монетах имена своих побед во время скачек в Олимпии. Нет, когда друзья спрашивали Александра, не хочет ли он принять участие в состязаниях в беге в Олимпии,— он быстро бегал,— он отвечал: «Да, если только моими соперниками будут цари...»

V. Для его образования к нему было, конечно, приставлено много воспитателей, наставников и учителей. Главным из них был строгий Леонид, родственник Олимпиады. Он не избегал названия «наставник», названия прекрасного и полезного, тем не менее другие называли его воспитателем и руководителем Александра лишь вследствие его высокого положения и родства с царским домом. Настоящим наставником, носившим притом это имя, был акарнаец Лисимах, личность малообразованная, но пользовавшаяся любовью...

VI. Раз фессалиец Филоник привел к Филиппу для продажи Буцефала и спросил за него тринадцать талантов. Царь вместе с сыном отправился в поле для испытания качества лошади. С первого взгляда она казалась совершенно дикой и негодной для езды — не слушалась голоса ни одного из свиты Филиппа и перед всеми становилась на дыбы. Рассерженный Филипп приказал увести ее, как совершенно дикую и необъезженную.

В это время находившийся там же Александр заметил: «Какую лошадь теряете вы вследствие своего неумения ездить на ней и трусости!..» Филипп сперва молчал, но Александр несколько раз повторял одно и то же и очень жалел лошадь. Тогда царь заметил: «Ты порицаешь старших, как будто смыслишь больше их или лучше умеешь ездить на лошади». — «По крайней мере, с этой я могу сладить скорее, нежели с другой», — сказал Александр. «А если нет, какому наказанию согласен ты подвергнуться за свою дерзость?..» — «О, я согласен заплатить цену лошади», — ответил Александр.

Сперва раздался смех, затем отец с сыном побились об заклад. Наконец Александр подбежал к лошади, схватил ее за узду и поставил против солнца. Он догадался, вероятно, что лошадь, видя перед собой свою дрожавшую тень, пугалась. Несколько времени он бежал рядом с ней рысью и гладил ее

рукой. Заметив, что она разгорячена и тяжело дышит, Александр тихо сбросил с себя плащ, вскочил на нее и твердо сел. Сначала он не выпускал поводьев и удерживал лошадь, не нанося ей ударов, не бил ее, но, когда увидел, что ее бешенство успокоилось и она рвется бежать, ослабил вожжи и погнал теперь ее, смелей понукая и ударяя ногами.

Свита Филиппа сперва находилась в мучительном страхе и молчала, но, лишь только Александр прямо повернул лошадь и гордо, сияя радостью, подъехал к отцу, все остальные разразились криками восторга; отец же, говорят, заплакал от радости. Когда Александр спрыгнул с лошади, он поцеловал его в голову и сказал:

«Дитя мое, ищи себе подходящего царства — Македония для тебя мала!..»

VII. Замечая упорный характер сына, отказывавшегося повинаться, если против него употребляли насилие, и в то же время легко исполнявшего требования, если ему делали разумные представления, лично царь старался действовать на сына больше убеждением, нежели приказанием.

Не доверяя учителям музыки и различных предметов дела образования и надзора за своим сыном, так как это было трудно и требовало, по выражению Софокла, многих узд и кормил, Филипп выписал одного из величайших и образованнейших философов, Аристотеля. За его уроки царь наградил его прекрасным, достойным образом — возобновил разрушенный македонянами город Стагир, родину Аристотеля, и вернул в него разбежавшееся или превращенное в рабов население. Местом занятия и обыкновенным местопребыванием учителя и ученика царь назначил храм нимф вблизи Миезы, где до сих пор еще показывают каменную скамью Аристотеля и тенистые аллеи для прогулок...

VIII. Сначала Александр уважал Аристотеля и, по собственному признанию, любил не менее отца, так как отцу был обязан жизнью, Аристотелю — правилами хорошей жизни. Позже, однако, он стал подозревать его. Ученик, правда, не сделал зла учителю, тем не менее в их дружеских отношениях не было прежнего жара и любви, напротив, они служили доказательством их отчуждения друг от друга. Несмотря на это, врожденная и с самого начала росшая, если можно так выразиться, вместе с Александром любовь и стремление к философии не погасли в его душе...

IX. Когда Филипп отправился в поход против византийцев, Александру было шестнадцать лет. Он был оставлен в Македонии с неограниченной властью, имея в своих руках государственную печать. Он покорил восставших медов¹, взял их главный город, выгнал из него туземное население, заселил его жителями различных городов и назвал Александрополь.

Он участвовал в сражении с греками при Херонее и, говорят, первым врубился в «священный отряд» фиванцев...

XI. Двадцать лет было Александру при вступлении на престол. Царству со всех сторон грозили опасности вследствие сильной зависти и страшной ненависти соседей. Соседние дикие племена не желали быть рабами и хотели иметь своих собственных царей. Греция была разбита в вооруженной борьбе с Филиппом, но царь не имел времени, если можно так выразиться, запрячь ее и объездить. Он совершил только перемены, внес в дела беспорядок и оставил государство в сильном брожении и волнении вследствие непривычки македонян к переменам. Они боялись положения, в котором находились. По их мнению, Александр должен был совершенно оставить

---

¹ *Меды* — фракийский народ, который обитал на территории, граничившей с Македонией.

в покое дела Греции и действовать не грубой силой — ему следовало мягкими мерами снова привлечь на свою сторону восставшие варварские племена и удерживать стремления к бунту, не прибегая к строгости.

Александр думал наоборот. Он хотел обезопасить и спасти царство смелостью и энергией; он был уверен, что, если заметят с его стороны малейшее ослабление энергии, ему придется иметь дело с поголовным восстанием.

Прежде всего он задушил волнения среди диких племен и, покончив войну с ними, быстро прошел с армией до Истра. Здесь он разбил в большом сражении царя трибаллов Сирма.

Между тем Александр узнал о восстании фиванцев и союзе с ними афинян. Царь немедленно прошел с войском через Фермопилы, сказав при этом, что Демосфен мог называть его «мальчишкой», пока он был в Иллирии и земле трибаллов, но в Фессалии он, Александр, сделался молодым человеком, под стенами же Афин хочет показать себя мужчиной.

Подойдя к Фивам, он давал еще время населению раскаяться в своем поступке и требовал выдачи только Феника и Протита, обещая личную безопасность тем, кто перейдет на его сторону. Тогда фиванцы, в свою очередь, потребовали от него выдачи Филота и Антипатра и объявили публично, чтобы все, кто желает выступить вместе с ними борцами за свободу Греции, становились под их знамена. После этого Александр двинул македонян в сражение.

Фиванцы дрались геройски, с мужеством отчаяния вступив в бой с неприятелем, в несколько раз сильнее их. Наконец македонский гарнизон, занимавший Кадмею, напал на них с тыла. Фиванцы были окружены и почти все пали в сражении. Город был взят, разграблен и разрушен...

XII. Во время целого ряда ужасов и несчастий, обрушившихся на город, несколько человек фракийцев вломилось в дом уважаемой и пользовавшейся прекрасной репутацией женщины Тимоклеи. Между тем как одни грабили ее имущество, начальник их, изнасиловав и обесчестив ее, стал спрашивать, нет ли у нее спрятанного где-либо золота или серебра. Она ответила утвердительно, повела одного его в сад и, показав на колодезь, сказала, что сюда бросила она во время взятия города свои драгоценности.

Фракиец наклонился и стал смотреть в колодезь. Став сзади, Тимоклея столкнула его и убила, бросая в него один камень за другим. Фракийцы связали ее и привели к Александру. Ее внешность и поступки — все говорило с первого же раза о ее гордости и мужестве. Когда затем царь спросил ее, кто она, женщина ответила, что сестра Теагена, сражавшегося с Филиппом за свободу Греции и убитого в звании стратега при Херонее. Александр удивился ее ответу и поступку и приказал отпустить ее вместе с детьми...

XIV. На сейме греков на Истме было решено объявить войну Персии и выступить в поход под командой Александра, провозглашенного стратегом. Многие из государственных людей и философов являлись к нему с поздравлениями. Царь надеялся, что их примеру последует и синопец Диоген, живший тогда в окрестностях Коринфа. Но философ спокойно проводил время в Крании, не обращая на Александра ни малейшего внимания, поэтому царь отправился к нему лично. Диоген лежал на солнце. При приближении стольких людей он приподнялся немного и взглянул на Александра. Царь поздоровался с ним и обратился с вопросом, не желает ли Диоген попросить от него чего-либо. *«Да, — ответил философ, — посторонись немного от солнца».*

Говорят, слова Диогена произвели на Александра глубокое впечатление. Он был поражен гордостью и величием

души философа, отнесшегося к нему с презрением, и, уходя, заметил на смех и шутки свиты:

•
*«Если бы я не был Александром,
я желал бы быть Диогеном!..»*
•

Ему хотелось спросить о предстоявшем походе оракул и он приехал в Дельфы. Случайно день тот был одним из «несчастливых» — когда запрещено давать оракул. Сперва царь послал за жрицей, но она отказывалась идти, ссылаясь на закон. Тогда он вошел к ней сам и потащил ее в храм. Как бы побежденная его насилием, она вскричала: «Ты непобедим, сын мой!..» Услышав это, Александр сказал, что не нуждается в другом ответе — он «получил оракул, какой желал...»

XV. Полный энергии, с обширными планами в душе он переправился через Геллеспонт.

В Трое он вышел на берег и принес Афине жертву, героям совершил возлияние. Он намазался маслом, обежал вместе с друзьями голым, как того требовал обычай, колонну в память Ахиллеса и возложил на нее венок, завидуя герою, что ему суждено было найти при жизни верного друга, после смерти — великого певца своих подвигов...

Александр обходил город и смотрел его достопримечательности. Его спросили, не желает ли он видеть лиру Париса? Царь ответил, что заботится о ней всего менее — он ищет лиру Ахиллеса, на которой последний пел славные подвиги героев...

XVI. Между тем полководцы Дария успели собрать огромную армию и выстроились в боевом порядке в месте переправы через Граник. Необходимо было, конечно, дать

сражение в своего рода воротах Азии за право входа в нее и начало похода. Большинство македонян боялось глубины реки и неровности и крутизны противоположного берега, на который им приходилось выходить с оружием в руках. Некоторые выражали даже мнение, что следует обратить внимание на обычаи предков в отношении месяца — македонские цари никогда не начинали войны в дэзии. Царь устранил последнее неудобство, приказав назвать этот месяц «вторым артемизием».

Парменион не советовал ему рисковать в позднее время года, но царь ответил, что, если станет бояться Граника, ему будет стыдно за Геллеспонт, через который он переправился,— и с тридцатью эскадронами конницы бросился в реку...

Участниками своей победы он сделал всех греков, но в особенности афинян. Он послал им отдельно триста взятых у неприятеля щитов. На всех других предметах добычи он велел сделать лестную надпись: «Александр, сын Филиппа, и греки, кроме спартанцев, взяли от варваров Азии». Кубки, пурпуровые ткани и все вещи подобного рода, отнятые у персов, он за немногими исключениями отослал матери.

XVII. Сражение это тотчас же оказало во многих отношениях благотворное влияние на дела Александра. Благодаря этой победе он занял Сарды, передовой оплот персидского владычества на море; добровольно сдавалось и остальное. Только Галикарнас и Милет оказали сопротивление. Он взял их приступом и покорил все ближайшие провинции. Теперь он не знал, что делать дальше: он то хотел двинуться с войсками против Дария и закончить одним сражением все, то желал сперва покорить приморские страны и, запасшись деньгами, как бы со свежими силами, пойти затем против персов...

Затем он разбил оказавших ему сопротивление пизидов и занял Фригию. Взяв город Гордия, считавшийся столицей

древнего царя Мида, он увидел знаменитую телегу с ее узлом из коры терна.

От туземцев Александр услышал предание, которому они верили: тому, кому удастся развязать узел, суждено сделаться царем вселенной. Большинство писателей рассказывает, что концы узла были спрятаны и переплетались один с другим самым хитрым образом. Александр не мог развязать узел и разрубил его мечом. Оказалось, когда он разрубил узел, тот имел множество концов. Аристобул, напротив, рассказывает, что царь очень легко развязал узел, вынув из дышла крючок, которым прикреплялся ремень, затем выгацил и само ярмо.

После этого он покорил Пафлагонию и Каппадокию, причем узнал о смерти Мемнона. Тот начальствовал над флотом Дария и заставлял думать, что наделает Александру много хлопот и массу затруднений и препятствий. Теперь царь еще более утвердился в своей решимости двинуться с армией вглубь Азии.

Но в это время и Дарий шел из Суз, возлагая свои надежды на многочисленность своих войск — с ним было шестьсот тысяч солдат. Еще большую надежду внушал ему сон, который маги объясняли скорее из желания угодить ему, нежели согласно его действительному значению. Царю снилось, будто вся македонская фаланга в огне... Александр в платье царского «астанда» — кем был раньше Дарий — прислуживает ему... Он входит затем в храм Бела и исчезает...

Боги хотели, вероятно, сказать этим, что поход закончится для македонян вполне удачно и принесет им славу, что Александру будет подчиняться Азия, как подчинялась она Дарию, из «астанда» сделавшемуся царем, и что он вскоре со славой окончит свою жизнь.